

© 2017 г.

В.О. ПЕЧАТНОВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ А. КЛАРК-КЕРРА В МОСКВЕ (1942–1946 годы)

Печатнов Владимир Олегович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений МИД России, Заслуженный деятель науки РФ (Москва, Россия).

«Один из самых интригующих и влиятельных британских дипломатов двадцатого столетия, который прогуливался с императорами, королями и королевами, работал в военные годы с У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом и И. В. Сталиным, но по сей день, в сущности, остается забытым», — пишет об Арчибалде Кларк-Керре его современный биограф Д. Гиллис¹. Действительно, Керру не повезло с историками по сравнению с его коллегами из Форин офис, многие из которых оставили дневники и стали объектами пристального внимания потомков. Да и в книге самого Гиллиса дипломатическая деятельность Керра отодвинута на задний план бытописанием его колоритной личной биографии. Между тем, профессиональная сторона жизни Керра, особенно — в ключевой период его посольства в Москве, представляет большой интерес и может быть теперь документирована не только британскими, но и российскими источниками². Посол его Величества Георга VI был в центре союзной дипломатии военных лет и сыграл заметную роль во взаимодействии трех великих держав в судьбоносные годы борьбы с общим врагом.

«МНЕ ПОНРАВИЛСЯ СТАЛИН...»

Путь Керра в большую дипломатию был весьма типичным для тогдашней Великобритании, в которой Форин офис являлся самой престижной частью государственной службы. Отпрыск старинного шотландского клана Кларков из родового имения Инверчэпл (приставку Керр он добавил себе позднее, чтобы отличаться от своих многочисленных родственников), он родился в Австралии в 1882 г., но вскоре вернулся с родителями на родину, где закончил привилегированный Оксфорд, а затем довершил свое классическое образование во Франции и Германии. С юношеских лет он готовился к карьере дипломата, но только со второй попытки после трудного экзамена был зачислен в Форин офис на должность младшего клерка. Прекрасно образованный и обаятельный, владеющий несколькими иностранными языками и принятый в британском свете, Керр довольно быстро продвигался по служебной лестнице, не пропуская, впрочем, ни одной ступеньки. Единственным перерывом в его дипломатической

¹ *Gillies D. Radical Diplomat. The Life of Archibald Clark Kerr, Lord Inverchapel, 1882–1951. London – New York, 1999, p. IX.*

² Недавние работы российских и американских историков о Керре написаны без активного использования неопубликованных документов российских архивов. См.: *Кольцов М. В. «Друг Советского Союза»: штрихи к портрету британского посла в СССР Арчибалда Кларк-Керра. — Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия гуманитарные науки, 2012, № 3; Costigliola F. Archibald Clark Kerr, Averell Harriman and the Fate of the Wartime Alliance. — Journal of Transatlantic Studies, 2011, v. 9, № 2.*

карьере стала служба в армии, куда он пошел добровольцем шотландской гвардии в 1916 г. Центральная Америка, Чили, Швеция, Ирак — куда только не забрасывала его судьба и профессия дипломата. Венцом его довоенной дипломатической карьеры стал пост посла Великобритании в Китае (1938—1941 гг.), где Керр наладил близкие отношения с Чан-Кайши и его окружением, не пренебрегая связями с верхушкой КПК — Мао Цзэдуном и особенно импонировавшим ему Чжоу Эньлаем.

Керр освоил китайский язык и стал очень популярен в Чунцине с началом ожесточенных японских бомбардировок, когда весь дипкорпус бежал из столицы и только британский и советский флаги продолжали реять над своими посольствами. В Лондоне высоко оценили заслуги Керра в трудный для Британии момент, когда ее позиции в Азии зашатались под ударами японцев. В 1941 г. Керр был удостоен одной из высших наград британской империи — звания Рыцаря Большого Креста Ордена Святого Михаила и Святого Георга. Там же, в Чунцине, Керр впервые познакомился с советскими коллегами, хотя и не думал тогда о работе в Москве.

За него подумали в официальном Лондоне, где были недовольны работой тогдашнего посла в СССР сэра Стаффорда Криппса — не профессионального дипломата и левого лейбориста, которого Черчилль послал в Москву в 1940 г. в надежде, что тот найдет общий язык с коммунистом Сталиным. Этого не получилось: упрямый, замкнутый и аскетичный Криппс не пришелся ко двору в Кремле, несмотря на свои просоветские симпатии. Недолюбливало его и руководство Форин офис, и особенно Черчилль, которого очень раздражали упорные призывы посла к оказанию активной, в том числе — и военной помощи Советскому Союзу³. Поэтому, когда, ощущая свою растущую изоляцию с обеих сторон, Криппс заговорил об отъезде, в Лондоне быстро согласились и выбор пал на Керра. Ему не хотелось уезжать из Китая, где он чувствовал себя как рыба в воде. Сам посол скажет потом В. М. Молотову на первой встрече в Кремле, что он «полюбил китайский народ и его вождя. Ему было жалко покидать Китай. Но он прибыл в СССР с чувством гордости, что он назначен на столь ответственный пост»⁴. Действительно, в условиях коалиционной войны посольство в Москве было вторым по значимости после Вашингтона, но там прочно засел лорд Галифакс.

Путь Керра в Москву пролегал через Индию, Багдад и Тегеран. В Индии он узнал о потоплении японцами двух британских линкоров, а 15 февраля — о бесславной капитуляции англичан в Сингапуре, вызвавшей у Черчилля приступ глубокой депрессии. Трудной была ситуация и в советско-английских отношениях. Британская дипломатия усиленно искала оптимальную форму взаимодействия с советским союзником, который приобрел решающую роль в войне. Успешное развитие наступления Красной Армии после битвы под Москвой впервые обозначило перспективу разгрома основных сил гитлеровской Германии одним Советским Союзом и поставило англичан перед вопросом о возможных последствиях советских военных успехов для Великобритании. В качестве двух возможных сценариев в Лондоне рассматривались резкое усиление позиций и самостоятельности СССР как освободителя Европы, а также заключение сепаратного мира между Москвой и Берлином по достижению Красной Армией границ 1941 г. Возобладала точка зрения, согласно которой для минимизации ущерба от первого варианта и исключения второго необходимо было теснее привязать к себе Советский Союз. Главным средством такой привязки виделся военно-политический союз между двумя странами, переговоры о котором начались еще во время декабрьского 1941 г. визита министра иностранных дел А. Идена в Москву. Тогда же

³ Подробнее о московской миссии Криппса см.: *Gorodetsky G. Stafford Cripps's Mission to Moscow, 1940—1942.* Cambridge, 1984. Разногласия между Криппсом и Черчиллем описаны в: *Печатнов В. О., Магадеев И. Э.* Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование, т. 1—2. М., 2015, т. 1, с. 81—96.

⁴ Прием посла Великобритании А. Керра 21 марта 1942 года. — Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ), ф. 06, оп. 4, п. 1, д. 12, л. 16.

выявились и главное препятствие на пути его заключения – территориальные запросы СССР в отношении признания своих западных границ образца 1941 г.

Поначалу британская сторона противилась этому, но по мере развития ситуации на советско-германском фронте оппозиция в британском Кабинете ослабевала и было решено сначала заручиться согласием США. Белый дом медлил с ответом: Рузвельту не нравилась идея фиксации границ до мирной конференции и в то же время он не хотел остаться в стороне от решения этого вопроса. Последним тревожным звонком для англичан прозвучал приказ Сталина 23 февраля 1942 г. к годовщине Красной Армии, в котором ни слова не говорилось о западных союзниках, а главной задачей провозглашался разгром вермахта, но отнюдь не самой Германии. В Лондоне увидели в этом намек на возможность сепаратного советско-германского мира. 7 марта Черчилль по настоянию Форин офис обратился к Рузвельту с просьбой предоставить Лондону свободу рук в заключении союзного договора с СССР. 12 марта 1942 г. президент встретился с советским послом М. М. Литвиновым и высказался против официального признания западных границ СССР до окончания войны, хотя и выразил готовность учесть законные интересы безопасности советского союзника.

В Лондоне и Москве эта позиция была принята к сведению, но дальнейшие переговоры приобрели чисто двухсторонний характер. Англичане, наконец, набрались духа поставить американцев перед фактом. 26 марта 1942 г. – за два дня до встречи Керра со Сталиным – Иден через Галифакса информировал Белый дом о начале работы над советско-британским договором, включая территориальные вопросы. «Даже если Президент не сможет одобрить предлагаемый нами план действий, – инструктировал он Галифакса, – мы рассчитываем на то, что он, по крайней мере, примет во внимание наши аргументы и воздержится от открытых шагов, которые бы обнаружили расхождение между нами»⁵. Новый британский проект договора был еще в работе, поэтому в Лондоне затруднялись с конкретными инструкциями Керру на его первые встречи в Москве, ограничившись туманными заверениями в том, что главное препятствие к заключению договора будет вскоре устранено.

Помимо сохранявшейся неопределенности в главном вопросе, накапливались и мелкие раздражители. Немалую озабоченность в кругах Форин офис вызвали обстоятельства отъезда из Москвы Криппса, не удостоенного обычных протокольных почестей. Сам Криппс объяснял это желанием советских властей «показать, что я несколько в немилости, или что отношения между нашими странами оставляют желать много лучшего»⁶. Руководство профильного Северного департамента Форин офис подталкивало А. Идена к заявлению официального протеста, но тот решил подождать. «Я предпочитаю сначала посмотреть, какой прием будет оказан Сэру Арчибальду Кларк-Керру, и если он будет неудовлетворительным, то я решительно заявлю об этом», – ответил он своим подчиненным⁷.

В общем, ничто не предвещало легкого начала миссии Керра в СССР. К тому же его личные дела к тому времени оказались расстроены: любимая жена-чилийка сбежала в Америку, дом с его квартирой в Лондоне разрушила немецкая бомба, а корабль со всем имуществом посла был потоплен японской подлодкой на пути из Китая в Англию. «У него, – пишет Гиллис, – не осталось ничего, кроме его необычных способностей, репутации и неумных амбиций»⁸.

В середине марта Керр прибыл в Куйбышев (тогдашнюю резиденцию советского правительства и дипкорпуса) через Тегеран и Баку, где советские представители были с ним очень любезны. В аэропорту его встретил шеф советского протокола, а затем последовала беседа с заместителем Молотова А. Я. Вышинским, который возглавлял

⁵ Mr. Eden to Viscount Halifax, 26 March 1942. – The National Archive, Richmond, Surrey (далее – TNA), Foreign Office (далее – FO) 371/32878.

⁶ Note for Sir Orme Sargent, 5.2.1942. – TNA, FO 371/32941.

⁷ Foreign Secretary, 13.2.1942. – Ibidem.

⁸ Gillies D. Radical Diplomat, p. 119.

тогда представительство НКВД в Куйбышеве. Вышинский был «крайне дружелюбен», сообщил в Лондон Керр, подчеркнув, что в целом у него «нет жалоб» на обращение с ним советских властей. «Это кажется удовлетворительным», — начертил на его телеграмме ответственный сотрудник Северного департамента Дж. Вильсон. «Да, но будем надеяться, что это продолжится по мере проникновения посла во внутренние покои Кремля», — приписал глава департамента К. Уорнер⁹.

С «проникновением» дело поначалу обстояло неплохо. 21 марта — на третий день после прибытия Керра в Москву его принял Молотов. По меркам суховатого наркома беседа носила весьма теплый, а не формально протокольный характер. «Его манера была приятной и непринужденной», — сообщил в своем отчете Керр¹⁰. Посол заверил собеседника, что приложит «всю свою энергию и силы для наилучшего выполнения своей миссии», но поскольку он является «новичком в делах советско-английских отношений, он сам уповает на помощь и содействие тов. Молотова» (гласит советская запись беседы). В ответ нарком великодушно заметил, что «имеет самые положительные отзывы о Керре как о крупном деятеле Англии», и что «Керр опытный дипломат, который сможет быстро сориентироваться в делах СССР». Молотов также выразил надежду на то, что Керр, «проникнется интересами СССР. Споры возможны, но наши интересы совпадают... и это имеет решающее значение». Керр с этим полностью согласился и подчеркнул, что с ним, как сторонником откровенной дипломатии, «легко иметь дело, если завладеть его сердцем». Нарком никак не среагировал на это эмоциональное откровение, усиленное к тому же пафосным переводом В. И. Павлова (английский оригинал звучал скорее как «завоевать расположение души») ¹¹. Керр запросил встречу со Сталиным, для которого привез послание от Черчилля. Она состоялась лишь через неделю — 28 марта 1942 г. и оказалась не совсем обычной по обстановке и содержанию. Вскоре после начала разговора прозвучал сигнал воздушной тревоги и собеседникам пришлось спуститься в кремлевское бомбоубежище. Тревога продолжалась два с лишним часа, что дало собеседникам дополнительное время для беседы ¹². Керр даже скажет потом Сталину, что он «был очень благодарен немцам за то, что они устроили тогда налет на Москву» ¹³.

Посол с самого начала попробовал установить неформальные отношения с всемогущим хозяином Кремля. Не ограничиваясь комплиментами в адрес «одного из великих деятелей нашего времени», он повел себя как мужчина с мужчиной: угостил Сталина отборным английским табаком, завел разговор о женщинах и личных привычках Чан Кайши, аттестовал себя как сторонника откровенности, который будет стремиться к улучшению англо-советских отношений «всем своим сердцем, чего обычно в политике не бывает». Сталин отвечал ему в тон, заметив, что китайский лидер «пьет здорово», а «... в политике также невозможно работать без сердца». Посол

⁹ From Kuibyshev to Foreign Office, 16, 17 March 1942. — TNA, FO 371/32941.

¹⁰ From Sir A. C. Kerr to Mr. Eden, 22 March 1942. — TNA, FO 181/965/4.

¹¹ Прием посла Великобритании А. Керра 21 марта 1942 года. — АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 1, д. 12, л. 17–19.

¹² Эта тревога, по всей видимости, была ложной. В советских документах зафиксирован налет немецких бомбардировщиков на Москву на следующий день — вечером 29 марта 1942 г., когда на город было сброшено восемь фугасных авиабомб, одна из которых упала на территорию Кремля. Из донесений военного командования следовало, что поднятые в воздух истребители «встреч с противником не имели», зенитная батарея под Клином вступила в бой с большим запозданием, а ее командир и комиссар во время налета на батарею отсутствовали. Реакция Сталина была соответствующей: «Певео проспало налет на Москву. Невозможно терпеть дальше это безобразие. Поручается т.т. Берия (НКВД), Громадину и Бочкову (прокурор СССР) срочно расследовать это дело и доложить ГОКО». — Вестник Архива Российской Федерации. Война: 1941–1945. М., 2015, с. 198–199.

¹³ Запись беседы тов. И. В. Сталина с послом Великобритании Керром 25 января 1946 года. — Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 121.

передал вождю послание Черчилля от 20 марта, специально приуроченное к этому случаю. Наряду с предупреждением о возможности газовой атаки со стороны немцев в нем говорилось и о Керре: «Он приехал, как Вам известно, от генерала Чан Кайши, с которым он поддерживал тесный личный контакт в течение последних четырех лет. По моему мнению, он пользовался со стороны генерала высоким уважением и доверием. Я надеюсь и верю, что он также заслужит Ваше доверие. Он в течение многих лет является моим личным другом»¹⁴. Керр выразил готовность и дальше действовать в качестве «почтальона» между двумя лидерами.

Беседа, согласно отчету Керра, имела «приятный» характер. Сталин похвалил англичан за то, что они выполняют свои обещания по поставкам в СССР «аккуратно и лучше, чем мы думали». Он также поднял перед английской стороной конкретные вопросы: о количестве частей вермахта во Франции, в Центральной Европе и на Балканах, перебрасываемых на советско-германский фронт, местоположении штаба Гитлера на советской территории, позиции Швеции и Турции в отношении Германии¹⁵. (После консультации с Лондоном Керр вскоре представит обстоятельные письменные ответы на них). Сталин также остановился на проблемах отношений между британской военной миссией в СССР и советскими военными, отметив, что одна из причин трудностей состоит в утечках секретной информации со стороны англичан с их демократическими порядками. «Не годится демократия для этого» — почти дружески посоветовал он¹⁶.

После необычно долгой аудиенции собеседники тепло расстались, но Керр с присущей ему самоиронией не стал изображать это своей заслугой. «Вряд ли у Сталина принято проводить с послами по два с половиной часа, хотя беседа лилась непринужденно и приятно, — заключал он свою депешу о встрече в Кремле. — Думаю, однако, что не стоит придавать этому слишком большого значения, поскольку над Москвой летали немецкие бомбардировщики и он отпустил меня, как только прозвучал отбой воздушной тревоги»¹⁷.

«Мне понравился Сталин, — признался посол в частном письме К. Уорнеру, — и если я смогу сблизиться с ним так же, как с Чан Кайши, это может принести большую пользу, хотя это будет трудно, а может быть и невозможно»¹⁸. В свою очередь, Сталин в ответном послании Черчиллю с похвалой отозвался о новом после: «Я имел беседу с г. Керром, и у меня создалось убеждение, что наша совместная работа будет протекать в атмосфере полного взаимного доверия»¹⁹. Так было положено начало личным отношениям Керра со Сталиным, которые продлятся до конца войны. В Форин офис были немало обрадованы столь многообещающим началом миссии Керра. «Сталин, а за ним и Молотов, явно старался быть приятным во время первого интервью с сэром Кларк-Керром», — отметил К. Уорнер²⁰. «Хорошее начало. Было бы ценно, если бы сэр Кларк-Керр смог обосноваться в Москве», — начертил на полях отчета посла Иден²¹.

Керр рвался в советскую столицу, где только и можно было решать серьезные вопросы. Однако возвращение посольства затягивалось и энергичному англичанину приходилось мириться с вялой рутинной куйбышевской дипломатической жизни. Он был невысокого мнения о своих коллегах по дипкорпусу, которых в частной переписке

¹⁴ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Указ. соч., т. 1, с. 142.

¹⁵ From Moscow to Foreign Office, 29 March 1942. — TNA, Prime Minister Office (далее — PREM), 3/395/8.

¹⁶ Запись беседы тов. И. В. Сталина с английским послом А. Керром 28 марта 1942 года. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 1–9.

¹⁷ From Moscow to Foreign Office, 30 March 1942. — TNA, PREM 3/395/8.

¹⁸ A. Kerr to Ch. Warner [n.d.1942]. — TNA, FO 800/300.

¹⁹ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Указ. соч., т. 1, с. 143.

²⁰ TNA, FO 371/32878.

²¹ Ibidem.

презрительно называл «антисоветским роем пчел, которые жужжат остротами и прибаутками о Сталине, Молотове, Вышинском и режиме в целом»²². Единственным исключением для него стал новый американский посол адмирал У. Стэндли, прибывший в Куйбышев в апреле 1942 г.

События к тому времени разворачивались полным ходом. В конце апреля была достигнута договоренность о поездке Молотова в Лондон и Вашингтон для завершения переговоров по советско-британскому договору и открытию второго фронта. Зимнее наступление Красной Армии остановилось и в Москве готовились к отражению нового стратегического наступления вермахта. В мае 1942 г. была потеряна Керчь, неудачей закончилась харьковская операция, нависла угроза над Крымом и Донбассом. В этой критической обстановке Сталин решил не затягивать заключение союзного договора и форсировать вопрос об открытии второго фронта. Он отменил сомнения Молотова и И. М. Майского, распорядившись подписать договор без упоминания вопроса о границах (который, по его словам, все равно «будет решаться силой»)»²³. Во время переговоров в Вашингтоне цепкому нарком удалось добиться от Рузвельта обещания открыть второй фронт в 1942 г. и навязать аналогичное коммюнике англичанам, хотя Черчилль в специальной записке для Молотова оговорил возможность «заднего хода» в случае неблагоприятного развития обстановки²⁴.

Подписание союзного договора без неудобных обязательств по границам рассматривалось в Лондоне как большой успех британской дипломатии. Письменно поздравляя Молотова с завершением его «смелого путешествия», Керр назвал договор «эпохальным событием не только в отношениях между нашими странами, но в мировой истории»²⁵.

Москва также приветствовала это соглашение и особенно — обещание союзников по второму фронту. Встретившись с Молотовым 17 июня 1942 г. по возвращению из его «смелого путешествия», Керр нашел наркома в необычно приподнятом настроении. Молотов был под большим впечатлением от встреч с Черчиллем и Рузвельтом. Отвечая на расспросы Керра, нарком сказал: «Черчилль — это человек ясной мысли и сильной воли. Черчилль является крупной личностью. Он обладает способностью умело подходить к людям и устанавливать с ними отношения... Черчилль ясно ставит деловые вопросы и ясно излагает свою точку зрения. При встречах с Черчиллем легко понять, в каких пределах он готов согласиться, а это имеет весьма положительное значение». Что касается президента США, то «Рузвельт произвел на него весьма хорошее впечатление своим умом, талантом и обходительностью. Рузвельт привлекает к себе». Впрочем, оговорил нарком, «очень трудно в краткой форме дать характеристики таким великим людям, как Черчилль и Рузвельт»²⁶. Молотов пригласил Керра отметить заключение советско-английского договора совместным завтраком.

«Не знаю, какие чудеса вы проделали с Молотовым, — сообщал в Лондон Керр об этой встрече, — но вчера я нашел в нем большую перемену. Он был крайне дружелюбен и почти весел. Разговор шел в основном о его поездке, которая смягчила его разум и расширила кругозор». Отмечая большое удовлетворение Молотова полученными обязательствами союзников по второму фронту, Керр подчеркнул, что «именно

²² TNA, FO 800/300.

²³ *Ржевский О. А.* Визит В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом и переписка с И. В. Сталиным. — Новая и новейшая история, 1997, № 6, с. 172; *его же.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004, с. 57.

²⁴ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП), т. XXV, кн. 1–2. Тула, 2010, кн. 1, с. 465–466.

²⁵ TNA, FO 181/965/4.

²⁶ Прием английского посла А. Керра 17 июня 1942 года. — АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 1, д. 12, л. 87, 89.

это заявление произвело наибольший эффект на умы русских и породило большие надежды»²⁷.

Завтрак в честь заключения договора прошел в теплой дружественной атмосфере, а на следующей встрече с послем (29 июня) Молотов пронял его следующим отзывом (согласно советской записи беседы): «Как мог заметить Керр, он, т. Молотов, вообще редко говорит комплименты. Мы, говорит т. Молотов, должны, конечно, еще ближе познакомиться друг с другом. Но он должен сказать Керру, что у него сложилось самое лучшее впечатление о совместной работе с ним за этот период времени»²⁸. «...Я начинаю надеяться, — телеграфировал в тот же день Керр, — что при сохранении постоянного контакта можно будет установить с ним хорошие и легкие отношения. Пока это только надежда, но должен признаться, что мой дух на подъеме»²⁹.

В Лондоне, однако, обратили внимание вовсе не на эти сантименты, а на постоянные упоминания Молотова о скором открытии второго фронта. На фоне других сообщений посольства о росте советских ожиданий этого долгожданного события подобные настроения вызывали серьезные опасения. «Боюсь, что такие разговоры о втором фронте могут принести нам большие неприятности до конца года, если только мы действительно не пошлем войска в Европу», — приписал Дж. Вильсон на полях донесения Керра³⁰. Особенно встревожился Черчилль — он-то знал, что никаких союзных войск в Европе в 1942 г. не будет. «Премьер-министр и я были обеспокоены впечатлением, которое возникает из Вашего сообщения, о том, что м-р Молотов может преувеличивать вероятность раннего открытия второго фронта в Западной Европе, — телеграфировал Иден Керру 3 июля, — ... особое сожаление у меня вызывает то, что м-р Молотов в разговоре с Вами от 26 июня дал понять, что если мы не сможем открыть второй фронт в этом году, это будет нарушением твердого обещания и тогда наш договор потеряет свою ценность». Министр наказал послу напомнить Молотову о памятной записке Черчилля и убедить его свернуть советскую пропаганду о втором фронте и обещаниях союзников³¹.

Керр срочно запросил новую встречу с Молотовым и уже на следующий день исправно доложил ему содержание своих инструкций. Нарком не стал отрицать, что «информирован по вопросу о втором фронте конкретнее, чем об этом сказано в коммюнике, на основании бесед в Лондоне и Вашингтоне, а также документа, врученного мне Черчиллем»³². Вместе с тем, Молотов напомнил о серьезной обстановке на советско-германском фронте и настаивал на том, что серьезные препятствия к открытию второго фронта могут быть преодолены при большом желании союзников.

Военная обстановка и в самом деле становилась все более критической. К началу июля 1942 г. на восточном фронте было сосредоточено уже более трех четвертей общего состава вермахта. Германские войска обладали серьезным превосходством в живой силе, артиллерии, самолетах и танках³³. 23—24 июля 1942 г. немцы захватили Ростов-на-Дону — ворота на Кавказ, до этого после четырехмесячной осады пал героический Севастополь. 28 июля 1942 г. был издан знаменитый приказ Сталина № 227 — «Ни шагу назад!».

17 июля 1942 г. Черчилль направил Сталину очередное послание, в котором информировал его о приостановке северных конвоев ввиду больших потерь и нехватки тоннажа для переброски американских сил на британские острова с целью

²⁷ From Moscow to Foreign Office, 19 June 1942. — TNA, FO 371/32883.

²⁸ Прием английского посла А. Керра 29 июня 1942 года. — АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 1, д. 12, л. 132.

²⁹ From Moscow to Foreign Office, 29 June 1942. — TNA, FO 371/32883.

³⁰ From Kuibyshev to Foreign Office, 17 June 1942. — TNA, FO 371/33018.

³¹ Mr. Eden (F.O.) to Sir A. Clark-Kerr, 3 July 1942. — TNA, FO 181/968/19.

³² ДВП, т. XXV, кн. 2, с. 33.

³³ *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941—1945). М., 1985, с. 98; *История второй мировой войны 1939—1945*, т. 5. М., 1975, с. 155, 158.

создания «действительно сильного второго фронта в 1943 г.»³⁴. Не удивительно, что в Москве послание премьера было воспринято как двойной отказ — от снабжения СССР военными материалами по северному пути и от организации второго фронта в 1942 г. «Иными словами, в самый критический для нас момент мы брошены нашими союзниками на произвол судьбы», — подытожил в своем дневнике советский посол в Лондоне И. М. Майский 19 июля³⁵. Последовал резкий ответ Сталина от 23 июля, в котором говорилось, что вопрос о втором фронте «начинает принимать несерьезный характер» и что «Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»³⁶. В союзных отношениях возник острый кризис.

Суровый ответ Сталина заставил союзников призадуматься. Черчилль в телеграмме Рузвельту предложил ограничиться посылкой Сталину своей памятной записки от 10 июня, но президент счел это недостаточным. «...Ответ Сталину должен быть продуман очень тщательно, — телеграфировал он премьеру. — Нам всегда нужно помнить о личности нашего союзника и той трудной и опасной ситуации, в которой он находится. Нельзя ожидать вселенского взгляда на войну от человека, в страну которого вторгся враг. Думаю, мы должны постараться поставить себя на его место»³⁷. Для преодоления кризиса доверия Рузвельт предложил посвятить Сталина в стратегические планы на 1942 г., связанные с операциями «Факел».

Керр не остался в стороне от поисков выхода из сложившейся ситуации. Встревоженный новым охлаждением между Сталиным и Черчиллем, он первым предложил их скорейшую личную встречу для смягчения ситуации вокруг второго фронта. В срочной депеше от 28 июля 1942 г. посол приводил следующие доводы. Первое — необходимость разъяснить Сталину англо-американскую позицию по вопросу о втором фронте, а это «никто не сможет сделать более убедительно, чем сам премьер-министр». Второе — оказать моральную поддержку советскому народу и Красной Армии в этот критический для них момент: «Нельзя отрицать, что нынешняя военная ситуация крайне тревожна и может снова подтвердить успешность политики Гитлера — уничтожать своих врагов поодиночке. Если дела будут и дальше идти плохо и моральное состояние русских не выдержит напряжения, то визит может стать единственной мерой, способной склонить чашу весов в нашу пользу»³⁸.

Идея Керра легла на подготовленную почву. «Мы все думали об этом и больше всех — сам премьер-министр», — комментировал его депешу постоянный заместитель Идена А. Кадоган. Он тоже придавал такой встрече огромное значение, но не был уверен в том, как ее лучше использовать — для «открытия карт перед русскими» или просто для их «успокоения». Первое, писал Кадоган Идену, чревато большим риском, второе «обречет премьера на крайне неприятную поездку»³⁹. Иден в тот же день показал Черчиллю телеграмму Керра и также поддержал идею личной встречи, тем более что поездку в Москву можно было соединить с предстоявшим визитом Черчилля на Ближний Восток. Премьер — большой энтузиаст личной дипломатии, «ухватился», по словам Идена, за эту идею⁴⁰. В ночь с 28 на 29 июля 1942 г. на заседании Кабинета было решено, что премьер-министр сначала отправится в Каир и одновременно

³⁴ Печатнов В.О., Магадеев И. Э. Указ. соч., т. 1, с. 184.

³⁵ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, в 2-х кн. Сост. О. А. Ржешевский, Л. В. Поздеева, Ю. А. Никифоров; отв. ред. А. О. Чубарьян, кн. 2, ч. 2. М., 2009, с. 164.

³⁶ Печатнов В.О., Магадеев И. Э. Указ. соч., т. 1, с. 204.

³⁷ Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. Ed. with a Commentary by W. Kimball, v. 1. London, 1984, p. 545.

³⁸ From Kuibyshev to Foreign Office, 28 July 1942. — TNA, PREM 3/76a/1.

³⁹ For Secretary of State, 29 July 1942. — Ibidem.

⁴⁰ The Memoirs of Anthony Eden. The Reckoning. Boston, 1965, p. 338.

предложит Сталину встретиться с ним лично для сообщения об отсрочке открытия второго фронта в Европе в 1942 г.⁴¹

Августовские переговоры 1942 г. Черчилля со Сталиным (кодовое название «Браслет») проходили, как известно, очень неровно. После сравнительно спокойного начала Сталин обдал гостя холодным душем, вручив ему меморандум с обвинением в нарушении взятых на себя обязательств. На беседе 12 августа он бросил англичанину в лицо обидное «не надо только бояться немцев»⁴². Самолюбивый потомок герцога Мальборо был глубоко уязвлен подобным обхождением. Вечерний обед в Кремле 14 августа прошел в гнетущей обстановке. Уткнувшись в тарелку, премьер не скрывал своего нежелания общаться со Сталиным, хотя тот пытался его обхаживать. После обеда Черчилль отправился в Кунцево, где ему была выделена дача на время его пребывания в Москве. Наутро Керр застал его в сборах к отъезду. Черчилль признался, что накануне «едва заставил себя подать ему (Сталину. — В.П.) руку. “Понимает ли он, с кем разговаривает? С представителем самой могущественной империи, какую когда-либо видел мир!” — возмущался этот британский аристократ, оскорбленный третируванием со стороны “какого-то крестьянина”»⁴³.

Ответственнейшие переговоры оказались на грани срыва. Кадоган, Керр и личный врач премьера лорд Моран хорошо понимали опасность ситуации, но только Керр взял на себя смелость охладить знаменитый гнев премьер-министра. Пригласив Черчилля на прогулку — подальше от лишних глаз и ушей — он употребил все свое красноречие, откровенность, лесть и логику, чтобы уговорить его остаться. Дипломат подробно изложил этот разговор в своей дневниковой записи — единственном сохранившемся свидетельстве о том памятном эпизоде. Керр начал с того, что редкий талант Черчилля убеждать людей в своей правоте остался втуне из-за инфантильной обиды на плохие манеры Сталина — «человека от сохи», далекого от нравов западного мира. «Гордость затуманила Ваш рассудок», не побоялся сказать он Черчиллю. Между тем, на карту поставлена не только судьба его собственной страны, но и всего мира. Отъезд чреват полным разрывом со Сталиным, армии которого сейчас решают исход войны. Речь идет о миллионах английских и американских жизней. Разве не стоит ради этого «проглотить свою гордость» и продолжить общение со Сталиным? Черчилль сначала возражал, потом замолчал и уединился в своем кабинете. Вскоре он вызвал к себе Керра и, указывая на него Кадогану, сказал: «Он считает, что во всем виноват я». Тут Черчилль неожиданно усмехнулся, Кадоган рассмеялся и они послали передать Павлову (переводчику Сталина. — В.П.), что премьер хотел бы встретиться со Сталиным наедине»⁴⁴.

Дальнейшее известно. Сталин, видимо, тоже не хотел отпускать Черчилля из Москвы с пустыми руками. Их следующая встреча, плавно перешедшая в задушевную ночную беседу на квартире вождя, куда тот неожиданно пригласил своего гостя, растопила лед предыдущего общения и преобразила состояние премьера. Очарованный неожиданным и потому особенно обезоруживающим теплым гостеприимством сурового диктатора, Черчилль поверил, что узнал, наконец, «подлинного Сталина». «Все эти официальные заседания, протоколы, эксперты и прочее — все это пустяки, — делился он потом с Майским. — Важно знать душу человека, с которым работаешь. В тот вечер или вернее в ту ночь я увидел душу Сталина»⁴⁵.

На даче Керр с волнением ожидал возвращения Черчилля из Кремля. Как он потом рассказывал Молотову, в тот вечер премьер пригласил его на прощальный ужин к половине девятого, и посол считал, «что если Черчилль придет к половине девятого,

⁴¹ Churchill W. The Second World War. v. III. London 1950, p. 409. См. также: The Churchill Documents. Ed. by M. Gilbert, v. XVII. Hillsdale, 2014, p. 1020.

⁴² Ржевский О. А. Сталин и Черчилль..., с. 52.

⁴³ Moran Ch. Winston Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965. London, 1966, p. 80.

⁴⁴ Gillies D. Op. cit., p. 134–136.

⁴⁵ ДВП, т. XXV, кн. 2, с. 158.

то это будет плохим признаком». Но Черчилль задерживался и настроение Керра повышалось. Черчилль вернулся домой только в половине четвертого утра. Первое, что сделал Черчилль, когда вернулся — он бросился на диван и сказал: «У меня очень сильная головная боль, но, ей-богу, это стоило... Черчиллю казалось, что он достиг очень многого в установлении личных отношений со Сталиным. Он был счастлив. Настроение Черчилля напоминало настроение молодого человека, сделавшего предложение, которое было принято»⁴⁶. В частном письме Уорнеру Керр был еще откровенней, описывая это возбужденное настроение премьера. Черчилль расхаживал по комнате в одной майке и только и говорил, что о Сталине: «Сталин то, Сталин сё... Он установил дружбу со Сталиным и счастлив этому. Сталин был великолепен. Что за удовольствие — работать с этим великим человеком!». Попытки Керра оставить премьера на время его переодевания были безуспешны: «Не уходите! — прокричал Черчилль, — я еще не все Вам рассказал»⁴⁷. Не ограничиваясь изложением этого монолога, Керр в том же письме с припиской «Вот так он выглядел» изобразил практически голого Черчилля с неизменной сигарой во рту.

Биограф Керра назвал этот кунцевский разворот Черчилля усилиями посла «самым большим дипломатическим успехом всей его карьеры», считая, что иначе весь последующий ход войны мог сложиться по-другому⁴⁸. Сам премьер также воздал ему должное: «Вы были постоянным помощником и мудрым советником, — писал он Керру вскоре после своего отъезда из Москвы. — Надеюсь, что мой визит облегчит исполнение Ваших трудных обязанностей, с которыми Вы так хорошо справляетесь»⁴⁹. Посол был полон оптимизма. «На мой взгляд, визит был очень ценным, — писал он Кадогану, — и премьер-министра нужно поздравить с тем, как он, благодаря одной только силе своей личности, сломал казавшийся неразрушимым барьер и рассеял застарелые подозрения, которые затуманивали суждения Сталина. Я очень надеюсь, что дорога теперь расчищена от завалов, и мы можем смотреть в будущее с определенной уверенностью»⁵⁰.

Однако очень скоро августовское потепление сменилось новым похолоданием. Его общим фоном было резкое ухудшение обстановки на южном фланге советско-германского фронта вокруг Сталинграда, где решалась судьба войны. Это вызывало огромную нервозность в Кремле и подогревало недовольство пассивностью союзников. Уже в начале сентября Керр сообщал в Лондон об ухудшении атмосферы со времени операции «Браслет»: «Поскольку за время, прошедшее после визита, стало ясно, что в военной политике правительства Его Величества и правительства Соединенных Штатов не произошло никаких видимых изменений, наступило серьезное разочарование». «Это чувство горечи, — добавлял посол в следующей депеше, — направлено в основном против нас, американцев оно пока затрагивает в гораздо меньшей степени»⁵¹. Руководство Форин офис болезненно реагировало на антибританское острое этой кампании. «Наибольший вред англо-советским отношениям и моральное удовлетворение Германии, — инструктировал Керра Иден, — приносит, во-первых, — впечатление о наличии серьезных разногласий между Советским Правительством и Правительством Его Величества, равно как и о том, что наше правительство виновно в нарушении принятых на себя обязательств; и во-вторых, — представление о возможности легко и быстро организовать второй фронт в Европе»⁵². Когда Керр на очередной встрече с Молотовым (29 сентября) озвучил эту озабоченность своего правительства, нарком едко заметил,

⁴⁶ Прием английского посла Керра 19 августа 1942 года. — АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 1, д. 213, л. 29.

⁴⁷ Kerr to Warner, 17 Aug. 1942. — TNA, FO 800/300; См. также: *Moran Ch.* Op. cit., p. 82–83.

⁴⁸ *Gillies D.* Op. cit., p. 133.

⁴⁹ TNA, FO 800/300.

⁵⁰ TNA, PREM 3/76A/11.

⁵¹ From Moscow to Foreign Office, 16 September 1942. — TNA, FO 371/32913.

⁵² From Foreign Office to Moscow, 25 September 1942. — TNA, FO 371/32990.

что «главное удовлетворение Гитлер получает от отсутствия второго фронта, а не от того, что он вычитывает в газетах». Послу оставалось только признать, что он считает это «удачным замечанием тов. Молотова»⁵³.

Другими серьезными раздражителями в советско-английских отношениях стали решение союзников об очередной приостановке полноценных северных конвоев (на сей раз — из-за нужд операции «Факел») и передача англичанами американцам крупной партии истребителей «Аэрокобра», предназначавшихся для Сталинградского фронта. Керр из Москвы сообщил, что «отсрочка следующего конвоя произведет здесь самое плохое впечатление и, что бы мы с Майским не говорили, это не убедит их (Советское правительство. — *В.П.*) в том, что мы не смогли бы его отправить, если бы действительно захотели»⁵⁴. 5 октября 1942 г. Рузвельт в телеграмме Черчиллю предложил отправлять в СССР по 2–3 корабля через каждые сутки или двое в сопровождении 2–3 эскортных судов⁵⁵. Черчилль учел все эти рекомендации в своем сообщении Сталину от 8 октября, пообещав компенсировать таким образом отсутствие большого конвоя.

Еще больший осадок в Москве оставила история с 152 истребителями «Аэрокобра», в которых остро нуждался Сталинградский фронт. Уже погруженные для отправки в СССР самолеты без предварительного уведомления советской стороны были сняты для подготовки операции «Факел». Через Майского и Керра Форин офис разъяснил, что это было сделано по просьбе американского командования, однако, в Москве этому плохо верили. 20 сентября в телеграмме Майскому Сталин писал: «Поведение англичан в вопросе об “Аэрокобрах” я считаю верхом наглости. Англичане не имели никакого права переадресовывать наш груз на свой счет без нашего согласия. Ссылка англичан на то, что переадресовка произошла по распоряжению Америки, является иезуитством. Нетрудно понять, что Америка действовала по просьбе англичан»⁵⁶. Примерно то же самое Сталин повторил 23 сентября на встрече со специальным представителем Рузвельта лидером Республиканской партии США У. Уилки.

Визит Уилки стал для британской дипломатии еще одной головной болью. Хотя в целом этот политик имел неплохую репутацию в Лондоне, его критика в адрес Черчилля и военного командования и особенно — интервью от 27 сентября 1942 г., в котором он призвал англо-американскую общественность «поднажать» на них по вопросу о втором фронте, вызвали острую реакцию в кругах Уайт-холла. «...Уилки в России навредил, поддержав Москву во вредном для нее убеждении, что она может повлиять на действия наших правительств, — с раздражением писал Иден Черчиллю. — Глупый разговор на тему “поднажать” нанес нам большой ущерб»⁵⁷.

27 сентября 1942 г. — в тот самый день, когда было опубликовано нашумевшее интервью Уилки — в Кремле состоялся заключительный обед в честь высокого американского гостя. Присутствовали почти все члены Политбюро ЦК ВКП(б), послы ведущих союзных государств, включая Керра. Стол ломился от яств, вино лилось рекой — Уилки насчитал 53 тоста «до дна». Когда один из американских военных предложил тост за советских и союзных летчиков, Сталин сделал к нему небольшое дополнение, суть которого сводилась к следующему (как докладывал в Пентагон присутствовавший на обеде военный атташе США Дж. Микела): «США и Великобритания шлют устаревшие самолеты типа Тамогавк и Харрикейн, оставляя себе Аэрокобры и Спитфайеры; Англия украла 150 «кобр» из предназначенных

⁵³ Прием английского посла Керра 29 сентября 1942 года. — АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 1, д. 13, л. 115.

⁵⁴ From Moscow to Foreign Office, 2 October 1942. — TNA, FO 954/3.

⁵⁵ Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence, v. 1, p. 617.

⁵⁶ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945, в 2-х т. Т. 1. 1941–1943. М., 1983, с. 286.

⁵⁷ Prime Minister, 27 October 1942. — TNA, PREM3/219/6.

Советскому Союзу»⁵⁸. Специально сообщая об этом эпизоде послу И. М. Майскому в Лондон, Молотов отметил, что «присутствовавшие американцы, начиная от Уилки и посла Стэндли, живо и в общем сочувственно реагировали на слова тов. Сталина»⁵⁹.

Живо отреагировал и Керр. Вскочив с места и побагровев, он стал возражать Сталину, излагая свою версию о пропавших «кобрах». Обстановку разрядило вмешательство Уилки. Взяв слово, он напомнил о мужестве англичан, долго воевавших с Гитлером в одиночку, сказал о трениях, неизбежных между союзниками, и о важности сохранения их единства для победы над фашизмом. Затем Уилки предложил тост за союзные страны, «которые едины сейчас и должны во имя всеобщего мира и безопасности сохранить это единство и после войны». Сталин выпил до дна, а затем, по свидетельству переводчика Уилки Дж. Барнса, сказал своему гостю: «Вы, я вижу, прямой человек. Я и сам люблю прямоту, но Вы бы не украли у меня 152 самолета»⁶⁰.

«Сталинский выпад застал меня врасплох, — признался в частном письме Уорнеру Керр. — Уилки, правда, говорил мне, что он (Сталин) был вне себя от истории с Аэрокобрами, но я не ожидал, что он заявит об этом во всеуслышание и так грубо, да еще на положении хозяина стола. В постели перед отходом ко сну я перебрал в уме с дюжину достойных ответов, до которых тогда не додумался. С подушки я бы легко его раздавил, но сказанное мною за обедом, похоже, оставило его таким же невозмутимым, каким создал его Господь»⁶¹.

Впрочем, в тот вечер в Кремле разыгрывались не только драматические, но и комические сцены, о которых Керр с юмором поведал в том же письме. «После обеда кампания заметно повеселела, особенно за столом Сталина, где сидели Уилки, Молотов, Уманский, Ворошилов, Микоян и Барнс... Каким-то образом разговор зашел о пистолетах-пулеметах⁶², в которых я неплохо разбирался (я приобрел этот опыт в Шанхае, где, будучи публичным врагом Японии номер один, я всегда возил это оружие с собой в машине). Оказалось, что Ворошилов был главным по этой части во всей Красной Армии. Мы договорились вместе поехать в Сталинград и испытать это оружие на немцах. Заговорили и о разной технике стрельбы из него, причем мне не понравился его способ, а ему — мой. Затем случилось что-то невероятное — у меня в руках, откуда не возьмись, оказался настоящий пистолет-пулемет... Убедившись, что он не заряжен, я продемонстрировал свою технику стрельбы «от бедра» и вопреки тому, как меня учили обращаться с огнестрельным оружием, продырявил кишки Сталину, Молотову и Уилки. Это вызвало насмешки со всех сторон — так, дескать, нельзя стрелять из пистолета-пулемета, его надо положить на плечо и целиться как из ружья. Ворошилов выхватил оружие у меня из рук, взял меня за мушку и убил наповал. Затем его схватил Сталин и быстро перестрелял своих гостей. Похоже, это доставило ему огромное удовольствие. Причем, нельзя было не заметить, что в первую очередь он целил в членов своего правительства... Так продолжалось до тех пор, пока в живых не осталось почти никого. Я рассказываю об этом потому, что мне иногда кажется, что вы там, в Форин офис, толком не знаете, как посол отрабатывает свою зарплату»⁶³.

⁵⁸ From Moscow to MILID (Military Intelligence Division), September 27 1942. — U. S. Military Intelligence Reports. V. 2. The Soviet Union, 1941—1944. Bethesda, 1984—1986.

⁵⁹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 380, л. 62.

⁶⁰ Barnes J. Willkie. New York, 1952, p. 301—303.

⁶¹ 3 October 1942. — TNA, FO 800/300.

⁶² Керр использовал ходовой английский термин «tommy gun» (пистолет-пулемет Томпсона, состоявший на вооружении армий США и Великобритании). Советским аналогом этого оружия был знаменитый ППШ (пистолет-пулемет Шпагина), который, видимо, и попал в руки послу.

⁶³ 3 October 1942. — TNA, FO 800/300.

«...ВСЕ БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ ОТ ДУХА РУССКОГО НАРОДА»

Напряжение в советско-английских отношениях в октябре 1942 г. вновь оживило советские опасения о сговоре Великобритании и Германии за спиной СССР. Символом этого сговора снова всплыла фигура Гесса, высадившегося в Великобритании еще в мае 1941 г. 19 октября в «Правде» появилась статья «Преступную гитлеровскую клику — к ответу», в которой говорилось, что «стоило только всем известному преступнику Гессу одеть мундир гитлеровского летчика и прилететь в Англию, и он будто бы уже может рассчитывать на возможность укрыться от суда международного трибунала и уйти от немедленной ответственности за свои бесчисленные преступления, превратив, таким образом, Англию в место убежища для гангстеров»⁶⁴.

Этой статье предшествовало заявление Советского правительства от 14 октября, сделанное в ответ на изложение британской позиции в вопросе о наказании военных преступников. Она была оглашена 7 октября после консультаций с США и другими западными союзниками, но без согласования с Москвой, что и покорило кремлевское руководство. В заявлении говорилось, что «Советское Правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии»⁶⁵. Среди этих главарей фигурировал и Гесс.

Сам факт и тон статьи в «Правде» вызвал возмущение британского правительства. Признавая в своем кругу, что сами дали повод для советского раздражения, там не могли понять, зачем Москва пошла на столь оскорбительный публичный демарш вместо того, чтобы высказать свои опасения приватно. В тот же день Керр послал тревожную депешу в Лондон, подчеркивая, что статья не только оскорбительна для англичан, но и «будет отравлять сознание советских людей, настраивать их против нас, придавая официальный и пагубный оттенок мифу, который, как мы знаем, их давно мистифицировал и беспокоил». Хотя посол признавал, что публикация может быть просто «крайне неуклюжей попыткой перехватить мировое лидерство в вопросе наказания военных преступников», он рекомендовал жестко отреагировать на нее⁶⁶. Этот совет совпал с настроением руководства Форин офис.

23 октября 1942 г. на встрече с Майским Иден заявил протест в связи с этой публикацией: по сообщению посла, он «был в большой ажиотации, сильно волновался, краснел, бледнел и несколько раз подымал голос до очень высоких нот»⁶⁷. Но в Форин офис не собирались этим ограничиваться и обдумывали дальнейшие шаги в этом вопросе. Свои соображения представил и Керр. Он объективно изложил советскую версию «дела Гесса». «Еще до своего приземления в Шотландии Гесс был в контакте с влиятельными людьми в Англии (принадлежащими к группе, которая считала возможным и правильным сотрудничать с Гитлером). Ему дали понять, что если он прибудет со специальной миссией и конкретными предложениями, то правительство Его Величества не только заключит мир, но и присоединится к немцам в крестовом походе против большевизма. Эти люди настолько влиятельны, что хотя правительство Его Величества и отвергло тогда предложения Гесса, оно не осмелилось раскрыть имена его покровителей. Оно предпочло возбудить недоверие своего союзника, России, бросив ее в беду, поскольку сейчас те же самые люди успешно препятствуют открытию второго фронта». Другая версия, добавлял посол, состоит в том, что британское правительство «предвидит возможность сговора с Гитлером и выжидает время, держа

⁶⁴ Правда, 19.X.1942.

⁶⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. М., 1946, с. 318.

⁶⁶ From Moscow to Foreign Office, 19 October 1942. — PREM 3 /219/6.

⁶⁷ ДВП, т. XXV, кн. 2, с. 290.

Гесса в кармане»⁶⁸. Керр на редкость точно разгадал подлинный настрой в Кремле. В те же дни Сталин телеграфировал Майскому: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны». Гесса же «Черчилль, по-видимому, держит про запас»⁶⁹.

«Русские глухи ко всем очевидным доводам, способным разрушить подобные представления, — заключал Керр. — Они парируют их вопросом: если дело обстоит не так, как они думают, то к чему такая тайна вокруг Гесса и почему бы не рассказать, что произошло на самом деле, и как бы себя чувствовали мы, если бы в Россию прилетел Риббентроп, а мы бы держали вас в неведении относительно причин его появления?». При всей трудности переубеждения советской стороны посол все же рекомендовал попытаться развеять советские подозрения представлением дополнительной информацией по делу Гесса — вплоть до выпуска Белой книги, «в которой бы максимально полно излагалась вся история прибытия Гесса, его предложения (если таковые были) и подчеркивалось бы наше твердое намерение предать его суду, когда настанет время»⁷⁰.

26 и 29 октября 1942 г. рекомендации Керра были обсуждены на заседаниях Кабинета. Министры высказались против идеи Белой книги по делу Гесса, но поручили лорду-хранителю печати, бывшему послу в СССР Ст. Криппсу подготовить меморандум с изложением имеющейся у Кабинета информации по этому делу для его возможной передачи советской стороне⁷¹. 29 октября Кабинет одобрил с поправками телеграмму Керру, в которой содержались инструкции по данному вопросу. Послу ставилась сложная задача — «сделать все возможное, чтобы вбить им в голову осознание того, насколько нелепо и недостойно вынашивать свои подозрения вместо их откровенного обсуждения», а, кроме того, предлагалось выяснить подлинные причины столь странного советского поведения⁷².

Вдогонку этим указаниям 3 ноября Керру была направлена краткая информация по делу Гесса для передачи советской стороне в форме отдельного меморандума. Его суть сводилась к следующему:

- а) Гесс прибыл по своей собственной инициативе;
- б) он считал, что его миссия имеет хорошие шансы на успех;
- в) он рассчитывал найти в Англии сильную антивоенную партию;
- г) его «условия» пытались воспроизвести мышление Гитлера в представлении Гесса;
- д) Гесс задумал свою миссию сразу же после падения Франции.

С самого начала Гессу было разъяснено, что не может быть и речи о каких-либо обсуждениях или переговорах с Гитлером и его правительством»⁷³.

Предваряя эту информацию, Иден наказывал Керру довести до советского руководства, что «правительству Его Величества нечего скрывать» в этом вопросе⁷⁴.

5 ноября 1942 г. на встрече со Сталиным и Молотовым Керр огласил полученную из Лондона памятную записку по делу Гесса, в которой указанные озабоченности британского правительства были высказаны в вежливой дипломатической форме. Это не произвело никакого впечатления на Сталина, который заявил, что «полностью разделяет» позицию «Правды». Керр, помня строгий наказ своего руководства сделать Кремлю выговор, обратил внимание Сталина на содержащиеся в статье «резкие выпады против британского правительства». Тот довольно ловко отвел эти доводы,

⁶⁸ From Moscow to Foreign Office, 25 October 1942. — TNA, FO 371/33036.

⁶⁹ Советско-английские отношения..., т. 1, с. 294.

⁷⁰ From Moscow to Foreign Office, 25 October 1942. — TNA, FO 371/33036.

⁷¹ W.P. (42) 502, 2 November 1942. — TNA, Cabinet Office (далее — CAB) 66/30/32.

⁷² From Foreign Office to Moscow, 30 October 1942. — TNA, FO 371/33036.

⁷³ Mr. Eden to Sir A. Clark-Kerr, 4 November 1942. — Ibid., 181/969/12.

⁷⁴ From Mr. Eden to Sir A. Clark-Kerr, 3 November 1942. — Ibidem.

доказывая, что британское правительство в статье вообще не упоминается, а Англия как «убежище для гангстеров» имеется в виду не в реальности, но в представлении Гесса. «Нас никто не запугает такими придирками», — сердито свернул он всю эту дискуссию. «Его умение выходить из сложной ситуации и мастерская уклончивость вызывали у меня одновременно и раздражение и невольное восхищение», — признался Керр в своем отчете Идену⁷⁵.

Тогда посол пустил в ход меморандум Форин офис с дополнительной информацией о допросах Гесса, но и этот заход оказался тщетным. Сталин ответил, что эти сведения не содержали для него «ничего нового». Он наверняка не поверил, что Лондону «нечего скрывать» в этом вопросе. Сомнения в этом сохраняются и по сей день, поскольку основные документы по делу Гесса, как известно, остаются засекреченными. Согласившись, что гитлеровских главарей необходимо привлечь к ответственности, собеседники разошлись в вопросе о методе их наказания. Керр, транслируя мнение Черчилля и Кабинета, выступал за решение этого вопроса «большой тройкой», тогда как Сталин ратовал за международный суд, чтобы не создавать впечатления, что «Сталин, Черчилль и Рузвельт осудили гитлеровских главарей как своих противников». «Хотя мне не удалось выжать из него какое-либо признание вины или просто удовлетворительное объяснение, — подытоживал Керр свой отчет для Идена, — я ушел с впечатлением о том, что Ваш протест достиг цели и что заявление по Гессу было информативным. Он явно подготовился к разговору о Гессе и можно заключить, что именно Гесс был причиной последних трудностей, поскольку его вопросы, на мой взгляд, были искренними и отражали странное беспокойство о том, как бы Гесса не вернули домой в конце войны»⁷⁶.

Дабы хоть как-то сгладить тяжелый разговор, Керр в заключение попросил у Сталина его трубку, чтобы снять ее размеры и «заказать для него трубку в Лондоне у своего очень хорошего мастера». «Тов. Сталин благодарит Керра и передает ему для этой цели свою трубку», — завершается советская запись этой беседы⁷⁷. 10 ноября 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило ответ НКВД на памятную записку британского правительства от 5 ноября, в котором развивались основные тезисы Сталина по вопросу о наказании военных преступников, высказанные на встрече с Керром⁷⁸. 12 ноября этот документ в виде ноты был передан британскому правительству, а 24 ноября на встрече Керра с Молотовым состоялось подробное обсуждение позиций обеих сторон и дальнейшие переговоры по этому вопросу проходили по дипломатическим каналам. В конечном итоге, стороны пришли к компромиссу: англичане согласились с советским предложением о создании международного трибунала, а Москва перестала настаивать на немедленном начале его работы. Путь к Нюрнбергскому процессу был проложен, а инцидент вокруг Гесса исчерпан.

Этому способствовало и резкое изменение военной обстановки. 4–5 ноября 1942 г. в Ливии началось отступление армии Роммеля, оказавшейся на грани уничтожения. 8 ноября союзники успешно высадились в Северной Африке (операция «Факел»). 19 ноября началось знаменитое наступление советских войск под Сталинградом (операция «Тайфун»). В своей большой речи от 6 ноября 1942 г. Сталин, вопреки опасениям союзников, воздал должное их военным усилиям. Несколькими днями раньше он отмежевался от просочившихся в американскую печать сведений о его антибританских высказываниях во время визита Уилки, лично наказав Литвинову опровергать подобные слухи⁷⁹. 14 ноября в ответах на вопросы американского журналиста

⁷⁵ From Sir A. Clark-Kerr to Mr. Eden, 6 November 1942. — Ibidem.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Запись беседы тов. И. В. Сталина с английским послом Керром 5 ноября 1942 года. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 11–21.

⁷⁸ Протокол № 38, от 10.11.42 г. Вопрос НКВД. — РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 37, л. 62.

⁷⁹ Подробнее см. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006, с. 94–95.

Г. Кассиди он отметил успехи союзников в Северной Африке и с оптимизмом заявил об укреплении «англо-советско-американской коалиции», что сразу же было с облегчением замечено американской и английской дипломатией⁸⁰. Сообщая об ответах Сталина в Лондон, Керр заключил: «Думаю, что мы можем себя поздравить». «Заявление Сталина полностью удовлетворительно», — отметили на его депеше в Северном департаменте⁸¹.

Постепенно Керр начинал разбираться в проблемах страны пребывания; не ограничиваясь оперативными вопросами, он все больше занимался аналитикой, старался вникнуть в суть процессов, происходивших в советском государстве и обществе. При этом его внимание порой привлекали, казалось бы, незначительные детали. Вот, например, на какие размышления подтолкнуло Керра учреждение трех новых воинских орденов, названных в честь Суворова, Кутузова и Александра Невского. Этот шаг, писал он в депеше от 30 сентября 1942 г., «является еще одним звеном в цепочке действий, направленных на восстановление связи с прошлыми русскими традициями... Война, поспособствовавшая росту патриотизма и национального самосознания, придала героям прошлого и русской военной традиции новую значимость, чем не преминуло воспользоваться правительство. Мне кажется, что данный факт, который сам по себе может показаться незначительным, дает представление о попытках подвести под советский режим основу, завязанную на религию и традиции... Война, говоря обобщенно, пробудила в русских более четкое осознание своих старых приверженностей, которые сначала пыталась подавить революция. Также можно сказать, что война вселила в людей этот новый дух, и если бы не она, то он бы и не появился. Пока неясно, в какой степени новым настроениям позволяют развиваться, и хватит ли нынешнему политическому и экономическому устройству советского общества гибкости, чтобы развиваться в более либеральном направлении... Российская история показывает, что за войнами в этой стране всегда следуют периоды брожений, политических волнений и попыток разобраться в себе. Я уверен, что в этом отношении и нынешняя война не станет исключением»⁸².

Наблюдая со стороны жизнь простых советских людей, Керр не переставал удивляться их самоотверженности и стоицизму. В аналитическом обзоре событий первых семи месяцев своего пребывания в СССР он уделил много внимания простым «винтикам» советской государственной машины, что было не свойственно снобистскому стилю Форин офис. «Конечно, государство жестко принуждает людей к труду, — писал он, — но складывается впечатление, что бесстрашие и чувство самопожертвования естественным образом присутствуют в каждом русском человеке, и я склонен думать, что русскому рабочему требуется лишь небольшое внешнее воздействие... Поразительно, что при острой нехватке всего самого необходимого он поддерживает свое крепкое тело таким подтянутым и держит его в тонусе. Очевидно, что на нем лежит груз войны, и заметны признаки усталости... И все-таки он продолжает свою работу. Ворчит, но продолжает. Наблюдая за ним, мы склонны задаваться вопросом, сколько еще он так продержится без мощного импульса, который бы вновь вселил в него надежду и энергию... Они (русские. — *В.П.*) больше не верят во второй фронт. Они слышат о рядах в партере московских театров, занятых офицерами союзников, и мрачно шутят, что только такой второй фронт они, по-видимому, и увидят. Очень печально наблюдать за тем, как эти обиды с каждым месяцем только растут. Сейчас они, кажется, достигли края, через который вполне могут перелиться уже завтра. Поэтому, пока мы не будем готовы сами вступить в бой, многое или, пожалуй, все будет зависеть от духа русского народа. И дух этот до сих пор был непревзойденным».

⁸⁰ См.: Советско-английские отношения..., т. 1, с. 299–301; Ch. Bohlen. Memorandum for the Secretary: Recent Indications of Soviet Policy, 16 November 1942. — National Archives (College Park, Maryland), Record Group 59, Records of Charles Bohlen, General Correspondence, Box 3.

⁸¹ From Moscow to Foreign Office, 14 November 1942. — TNA, FO 371/32916.

⁸² From Moscow to Foreign Office, 30 September 1942. — Ibid., 181/964/4.

В конце этой депеши Керр делал важный вывод о том, что хотя советская пропаганда немало постаралась для создания подобного настроения в отношении союзников, «у меня есть нехорошее ощущение, что даже если бы их не обрабатывали, советские люди в их нынешнем отчаянном состоянии все равно бы усмотрели в словах коммунике (о поездке Молотова в Лондон и Вашингтон. — *В.П.*) то самое обещание, которое они просят нас выполнить»⁸³.

Хотя в Форин офис этот отчет расценили как «очень интересный», Керра все-таки вежливо пожурили за идеализацию советского народа. «Нам показалось, что в Вашей депеше присутствует удивление тем, как стойко советские люди сносят бремя и тяготы войны, — отвечал ему помощник Идена О. Сарджент. — Мы считаем, что это безропотное принятие лишений в основном объясняется тем, что русские еще до войны долгие годы жили в условиях военной атмосферы и их приучили к нужде, страданиям и нехватке всего, кроме самого необходимого. Разве не так?»⁸⁴ «Поменьше сопереживания, Сэр Арчибальд!», — слышалось в этих замечаниях.

В конце ноября 1942 г. после пятилетнего перерыва Керр получил долгожданный отпуск. Перед отъездом он отправил в Лондон свой итоговый аналитический отчет о советской внешней политике. В нем посол исходил из того, что после войны главным приоритетом СССР будет восстановление, а не внешняя экспансия. Вместе с тем он проницательно прогнозировал восстановление «границ 1941 года» и создание советской сферы влияния в славянских странах Восточной Европы. В краткосрочной перспективе решающим условием улучшения межсоюзных отношений и завоевания доверия Сталина Керр считал открытие второго фронта в 1943 году⁸⁵. Эти же идеи он развивал и в высоких кабинетах Уайт-холла по прибытию в Лондон.

1 декабря 1942 г. Керра пригласили на заседание Объединенного разведывательно-го комитета — высшего межведомственного органа британской разведки. Как следует из протокола заседаний комитета: «Сэр А. Кларк-Керр сказал, что в настоящее время моральное состояние гражданского населения и армии в России находится на хорошем уровне. Недавно оно укрепилось в результате наших операций в Северной Африке и еще более в результате их собственных успехов... Русские ожидают, что в Европе в следующем году будет открыт второй фронт. Их моральное состояние в 1943 г. будет в значительной степени зависеть от наших успехов. Он полагает, что если второй фронт не будет открыт в 1943 г., это станет суровым испытанием для морального состояния русских. Их главная забота заключается в том, чтобы с русских вооруженных сил, понесших колоссальные потери в людской силе и технике, была снята хотя бы часть бремени. Если они не увидят перспектив облегчения, сложно сказать, какими будут последствия. Можно ожидать, что нажим русских по вопросу второго фронта будет постепенно возрастать с начала 1943 г.».

Керр особо подчеркнул, что «Россия полна решимости иметь весомый голос на мирной конференции. Ее тревожит то, что она будет слишком слабой, дабы ее голос был услышан. Она желает, чтобы с ней консультировались по всем вопросам, имеющим отношение к послевоенному урегулированию. Это объясняет беспокойство, продемонстрированное недавно советским правительством по вопросам Гесса и Дарлана. В России есть определенная группа людей, опасаящихся, что в будущем Великобритания будет сотрудничать с Германией против России, и полагающих, что в Англии существует могущественные голоса в пользу этой политики».

Отвечая на вопросы членов комитета, посол отметил, что «не считает сепаратный мир между Россией и Германией возможным в 1943 г. при условии, что Великобритания и Америка продолжат наступление»⁸⁶. На заседании Комитета начальников штабов — высшего органа военного командования страны — 15 декабря Керр был еще бо-

⁸³ From Moscow to Foreign Office, 10 October 1942. — Ibid., 371/32916.

⁸⁴ From Foreign Office to Moscow, 20 November 1942. — Ibidem.

⁸⁵ From Moscow to Foreign Office, 26 November 1942. — Ibid., 371/35338.

⁸⁶ J.I.C. (42) 58th Meeting, 1 December 1942. — TNA, Joint Intelligence Committee Papers.

лее категоричен. Как записал в своем дневнике глава Имперского генерального штаба генерал (позднее фельдмаршал) А. Брук, «Кларк Керр... в течение часа излагал нам свои взгляды о реакции Сталина в том случае, если мы не откроем Западный фронт во Франции. Он утверждал, что подобные действия с нашей стороны могут привести Сталина к заключению сепаратного мира с Гитлером»⁸⁷.

Призывы посла не встретили понимания военных. А. Брук вообще отрицал наличие твердого обещания по второму фронту, начальник штаба ВВС маршал Ч. Портал заявил, что вторжение союзников на север Франции будет возможно только после разгрома основных сил вермахта Красной Армией, а до тех пор необходимо продолжать операции в Средиземноморье и вывести из войны Италию. Керр энергично возражал: военные не понимают критического состояния русских, многие из которых «опасаются, что мы вынашиваем планы создания огромной армии, которая в будущем может повернуть вместе с Германией против России». К сожалению, добавил посол, в Великобритании есть круги, которые дают основания для таких опасений⁸⁸. Военные разошлись, сетуя между собой на «просоветские» взгляды Керра, для которого важнее всего помочь русским.

Настрой политиков был немногим лучше. На встречах с Черчиллем Керр не получил новых конструктивных указаний. Прощальный ланч с премьер-министром закончился следующим напутствием Черчилля, которому надоели расспросы посла: «Вы хотите инструкций? Вот они: я готов поцеловать... Сталина, но будь я проклят, если я поцелую его задницу!»⁸⁹. Будучи в Лондоне, Керр познакомился с Майским, который произвел на него большое впечатление.

После победы в Сталинградской битве и первых успехов союзников в Северной Африке военно-политическое руководство Великобритании и США еще больше настроилось на продолжение войны с Германией советскими руками и утвердилось в своей «средиземноморской стратегии», одобренной на англо-американской конференции в Касабланке в январе 1943 г. Это решение было принято без участия советского союзника, поскольку Сталин отклонил приглашение приехать в Касабланку, ссылаясь на крайнюю занятость проблемами фронта.

Свои выводы из новой ситуации делали и в Форин офис. Там начинали задумываться над долгосрочными политическими последствиями успехов советского оружия. Как далеко на запад европейского континента сможет продвинуться Красная Армия? Какую геополитическую цену англо-американцам придется заплатить Советскому Союзу за решающий вклад в разгром вермахта и как ее можно минимизировать? Как подготовиться к послевоенному урегулированию, чтобы не оказаться перед свершившимся фактом советского доминирования в Европе? Эти вопросы начинали всерьез обсуждаться за закрытыми дверями кабинетов Уайт-холла. Особую тревогу дипломатов вызывало будущее Центральной и Восточной Европы, поскольку остальная часть континента, как считалось, останется в западной сфере влияния. Разруха, крах старых элит и политический хаос, внутренние распри и территориальные конфликты — все это в условиях советского военного присутствия грозило, в конечном счете, привести к созданию там просоветских правительств. «Великобритания и США, — говорилось в меморандуме Форин офис, отправленном в британское посольство в Москве в начале февраля 1943 г., — смогут говорить повелительно и навязывать свою волю, только если их армии будут находиться на континенте. Иначе лишь одно Советское правительство окажется в состоянии прекратить подобные конфликты и навязать этой части Европы свой переходный режим»⁹⁰.

⁸⁷ War Diaries 1939–1945. Field Marshal Lord Alanbrooke. Ed. by A. Danchev and D. Todman. London, 2001, p. 348.

⁸⁸ TNA, CAB79/87, № 346.

⁸⁹ Gillies D. Op. cit., p. 141.

⁹⁰ Memorandum on Problems to be faced in the Occupied Countries of Central and South East Europe when evacuated by the German and Italian Forces. — A. Eden to A. Kerr, 4 February 1943. — TNA, PREM 4/30/1.

Но как предотвратить или хотя бы смягчить подобную ситуацию, если и дальше откладывать открытие второго фронта? В качестве важного рычага влияния рассматривалось оказание экономической помощи этим странам после окончания военных действий. В Лондоне также разрабатывались идеи создания нового механизма для международных расчетов в целях развития внешней торговли после войны (проект клирингового союза был подготовлен лордом Кейнсом). Но главная надежда возлагалась на то, чтобы попытаться заранее ограничить свободу действий СССР в этом регионе. «Не в наших и не в европейских интересах, чтобы Советский Союз взял на себя наведение порядка в Центральной Европе, — говорилось далее в том же документе, — но поскольку нам, видимо, придется с этим смириться, то крайне желательно заранее договориться с ним относительно общих принципов поведения» в вопросах границ, состава и полномочий правительств Центральной и Восточной Европы, которые будут создаваться после ее освобождения от фашизма⁹¹. Основным вариантом подобной договоренности стала идея создания под эгидой Запада восточно-европейских конфедераций (польско-чехословацкой, дунайской и др.), которые, по замыслу ее авторов, должны были заполнить опасный «вакуум мощи» между Россией и Германией и стать средством сдерживания обеих. Она встретила явно отрицательное отношение со стороны советского руководства, не без основания, усмотревшего в этом попытку возродить пресловутый «санитарный кордон» межвоенного периода. В инструкциях НКВД послу Майскому (10 марта 1943 г.) идея восточноевропейской конфедерации называлась «безжизненной», «вредной и опасной»⁹².

Однако руководство Форин офис не оставляло попыток протолкнуть эту идею в рамках консультаций по послевоенному урегулированию. В инструкциях Идена для Керра, к которым прилагался указанный меморандум, подчеркивалось: «Главная суть Вашего демарша — желательность согласованной политики трех великих держав в отношении Европы в целом». Предлагалось начать трехсторонние консультации по послевоенному урегулированию с тем, чтобы «избежать ситуации, при которой какая-либо из великих держав будет проводить свою политику в противовес другим или за их спиной». Керру поручалось информировать Москву об уже начатой в Лондоне работе по этим проблемам, а также прояснить смысл высказываний Сталина о Германии в его речи от 6 ноября 1942 г. Черчилль, со своей стороны, наказал послу передать Сталину свои соображения по послевоенной безопасности, составленные во время его январского визита 1943 г. в Турцию. В Форин офис считали, что наступил подходящий момент для начала диалога по послевоенным проблемам. «Улучшение атмосферы, отразившееся в речи Сталина от 6 ноября, которая представляется сигналом к расширению сотрудничества во всех сферах, большие победы союзных войск и возвращение Вашего Превосходительства в Москву после консультаций в Лондоне предоставляют хорошую возможность вместе с Советским правительством рассмотреть наши планы и надежды на будущее, а также возможности сотрудничества трех основных держав», — говорилось в инструкциях Идена⁹³.

Возвращение Керра в Москву задержалось из-за плохой погоды, так что эти инструкции уже ждали его, когда он вернулся. Посол срочно запросил встречи с Молотовым и Сталиным. 20 февраля 1943 г. он встретился с Молотовым, на котором опробовал все основные пункты своих инструкций. Нарком с интересом воспринял его информацию, но сказал, что в Москве «больше заняты войной» и вопросы послевоенного урегулирования находятся в самой предварительной стадии изучения. Получив от посла проект клирингового союза, Молотов шуточно заметил, что «у него нет лорда Кейнса, который смог бы его объяснить»⁹⁴. Керру показалось, что Молотову польстил сам факт доверительного обращения англичан по этим вопросам. Затем посол

⁹¹ Ibidem.

⁹² Очерки истории Министерства иностранных дел России, т. 2. М., 2002, с. 296.

⁹³ A. Eden to A. Kerr, 4 February 1943. — TNA, PREM 4/30/1.

⁹⁴ From Moscow to Foreign Office, 21 February 1943. — Ibidem.

попросил пояснить два момента из речи Сталина от 6 ноября, озадачившие англичан: утверждения, что СССР не стремится к уничтожению германского государства (что, якобы, противоречило обсуждавшимся планам расчленения Германии) и не ставит своей целью ликвидацию организованной военной силы в Германии, что расходилось со статьей 6-й Атлантической хартии о полном разоружении Германии после войны. Молотов ответил, что отделение какой-либо области от Германии не означает ликвидации германской государственности, но затруднился с ответом на второй вопрос. «Я ответил, что для меня нет чего-либо неясного и в этих словах тов. Сталина, — информировал Молотов Майского о состоявшейся беседе, — Однако, я не хотел бы входить в толкование речи тов. Сталина и передам ему вопрос бритпра»⁹⁵. «У меня сложилось твердое впечатление, что он опасался ангажироваться без консультаций со своим боссом», — докладывал в Лондон Керр. «Дабы избежать недопонимания о содержании нашего запроса, — продолжал в своей депеше Керр, — я сказал, что изложу его в частном и личном письме»⁹⁶. Нарком не возражал и на следующий день посол передал это письмо в НКВД.

В полночь 24 февраля 1943 г. Керра принял Сталин. Он начал разговор с вопроса о здоровье Черчилля. «Он пребывал в почти благодушном настроении и избегал спорных вопросов, — докладывал на следующий день Керр. — Не думаю, что это объяснялось только тем, что я подарил ему пару трубок Данхилл (посол, как видно, исполнил свое обещание. — *В.П.*)... Сталин выглядел таким необычно здоровым, что я сделал ему комплимент. На это он ответил, что в последнее время его люди, похоже, научились как вести войну, и он смог немного отдохнуть» (все эти подробности отсутствуют в советской записи беседы). Посол передал ему две записки Черчилля — о его встречах с турецким руководством в Адане и о послевоенной безопасности (так называемые «Утренние мысли»), где основное внимание также уделялось роли Турции. Сталин обещал ознакомиться с ними на досуге и, судя по сохранившимся пометкам, действительно это сделал. Он отнюдь не разделял оптимизма Черчилля о возможности скорого вовлечения Турции в войну с Германией и оказался прав.

Керр поднял деликатный вопрос об обмене секретными дешифровками между военными обеих стран, пожаловавшись на то, что в последнее время общевойсковая советская разведка прекратила этот обмен с британской военной миссией. Сталин пообещал устранить это «недоразумение». Ободренный посол пошел еще дальше, заговорив о британском шпионаже в СССР и заверив вожда в его полном отсутствии. Моя задача, объяснил Керр, — «обеспечить, чтобы никто из британских офицеров, находящихся в СССР, не занимался разведывательной работой. Он, Керр, виделся с работниками военной, военно-морской и гражданской разведывательной службы в Англии, получив на это согласие Черчилля. После своих разговоров с ними... он убедился в том, что Советское правительство может быть вполне спокойно в этом отношении». Вряд ли Сталин поверил этим заверениям, но сама откровенность посла его должна была заинтересовать. (Кстати, в своем донесении в Лондон Керр ни словом не обмолвился об этом деликатном сюжете). Посол поделился со Сталиным и своим планом реорганизации британской военной миссии — заменой ее руководства, не вызывавшего доверия в Москве, и разделением ее на три секции по видам вооруженных сил. Сталин поддержал это предложение.

Затем Керр завел разговор о Майском — «образце совершенного посла», знакомого «со всеми сколько-нибудь влиятельными лицами Великобритании», чьи донесения в Москву «должны представлять величайшую ценность». Сталин сдержанно отозвался о Майском, хотя тот и в самом деле был очень ценным посредником в его отношениях с Черчиллем: «Тов. Сталин отвечает, что он хорошего мнения о Майском. Он давно сидит в Англии и знает английский язык. Это облегчает его работу». Керр не случайно вспомнил о Майском: по сравнению с ним он — «несчастливый человек»,

⁹⁵ Лондон, Совпосол, 21.2.1943. — АВП РФ, ф. 059а, оп. 7, п. 13, д. 6, л. 237.

⁹⁶ From Moscow to Foreign Office, 21 February 1943. — TNA, PREM 4/30/1.

который «ни с кем не видится и ни с кем не говорит», кроме своих сотрудников — «очень скучных людей», вследствие чего «его ум ржавеет и он, как посол, становится негодным человеком». Керр поспешил дополнить, что «черпает свою духовную пищу только из разговоров с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, Вышинским и Павловым. Эти беседы дают очень многое. Но это единственные люди, с которыми он говорит».

«Хозяин» великодушно пообещал помочь Керру «в этом отношении», заметив, что тот слишком «скромен» по сравнению с американцами, которые «просят все им показать». В качестве примеров он назвал Уилки и генерала Хэрли, посетившего СССР в конце 1942 г. «Тов. Сталин добавил, — гласит советская запись беседы, — что Рузвельт всех, кого он посылает в СССР, назначает специальными представителями президента. Это по его, тов. Сталина, мнению, неправильно. Керр смеется и говорит, что Черчилль, например, этого не делает. Тов. Сталин отмечает, что Черчилль более серьезно относится к этому». Пожурив американцев, собеседники собрались было расходиться, но тут Сталин неожиданно для Керра вручил ему свой ответ на его «частное и личное письмо» от 21 февраля. Вождю явно не понравилось намерение посла выяснять отношения с ним на бумаге, за которым он вполне мог усмотреть указание из Лондона. «Я думаю, что метод письменных запросов, требующих письменных ответов по поводу некоторых высказываний в речах представителей наших правительств, не сулит успеха», — холодно написал он. Сталин не снизошел до ответов на вопросы из письма Керра, подчеркнув лишь, что «единственный правильный метод — встреча официальных представителей обоих государств и достижение соглашения, обязательного для обеих сторон» и что, если «британское правительство считает нужным устроить такую встречу и добиться соглашения с Советским Правительством по вопросу о судьбах Германии или других государств, то Советское Правительство готово пойти навстречу». Напрасно Керр пытался оправдаться тем, что «не предполагал делать письменного запроса и не предполагал получать письменного ответа. Этот вопрос он должен был поставить в устной форме»⁹⁷. Финал удачной аудиенции был испорчен.

Демарш Сталина озадачил британских партнеров. «Объясните мне, что случилось и откуда взялось все это дело», — сердито черкнул Черчилль на переводе сталинского письма⁹⁸. «Я вовсе не предполагал, что посол будет вручать какой-либо письменный документ Молотову или Сталину о будущем Германии», — поспешил снять с себя ответственность Иден. Вместе с тем, министр обратил внимание премьера на «обнадеживающие» моменты состоявшегося обмена — удовлетворение русских от того, что с ними встречаются раньше, чем с американцами, и выявленная возможность проведения трехсторонних консультаций в будущем, «если и когда они нам понадобятся»⁹⁹. Керр получил от министра вежливый выговор за отсебятину и указание воздерживаться от дальнейших обсуждений о «явно преждевременной» встрече в верхах по Германии. Послу вменялось в обязанность продолжать зондировать советскую реакцию на идею европейских конфедераций и на записки Черчилля¹⁰⁰. Досадный инцидент был исчерпан, но мартовское потепление в отношениях между Москвой и Лондоном оказалось недолгим.

Его нарушил кризис в советско-польских отношениях, нараставший с начала 1943 г. Последней каплей стала реакция правительства Сикорского на сообщение нацистской пропаганды 13 апреля о найденных в Катюни останках польских офицеров, расстрелянных, по ее версии, советскими властями в 1940 г. Обращение членов польского кабинета к Международному Красному Кресту с просьбой провести независимое расследование происшедшего вызвали острую реакцию Сталина, опасавшегося, что станет известным подлинное происхождение этой трагедии. Он уже давно

⁹⁷ Запись беседы тов. И. В. Сталина с английским послом Керром, 24 февраля 1943 года. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 42–50.

⁹⁸ From Moscow to Foreign Office, 25 February, 1943. — TNA, PREM 4/30/1.

⁹⁹ Prime Minister, 1 March 1943. — Ibidem.

¹⁰⁰ From Foreign Office to Moscow, 1 March 1943. — Ibidem.

копил раздражение антисоветской линией правительства Сикорского, но именно под влиянием этих событий решил порвать с ним дипломатические отношения. 21 апреля 1943 г. Сталин направил идентичные послания Черчиллю и Рузвельту с описанием возмущения Советского правительства действиями «лондонцев» и извещением о том, что в Кремле пришли к выводу «о необходимости прервать отношения с этим правительством»¹⁰¹.

В тот же день Керр из Москвы прогнозировал, что хотя сами поляки «настроились на разрыв», Кремль вряд ли стремится к нему, а думает, прежде всего, о самооправдании¹⁰². Он явно не доверял советской версии Катынской трагедии, считая, что сама «ярость и необоснованные опровержения со стороны русских указывают на чувство вины». Еще и по этой причине Керр считал, что международное расследование прощедшего может привести к «бедствию»¹⁰³. Однако посол усматривал в сталинском обращении и обнадеживающую сторону — Кремль доверительно информировал союзников о своих намерениях в отношении лондонского правительства и даже как будто запрашивал их совета. За демаршем Сталина, телеграфировал Керр в Лондон 25 апреля, стоит вопрос о советско-польской границе по линии Керзона, а в этом интересы союзников очень близки. Поэтому он советовал воспользоваться обращением Сталина, чтобы оказать совместное давление на правительство Сикорского в этом вопросе, «как бы это не было противно для поляков». Такой путь, по мнению посла, «не только укрепит англо-американо-советские отношения и не даст этому спору рассорить нас с русскими (играя тем самым на руку Гитлеру), но и позволит избежать опасности односторонних действий со стороны русских, как, например, создания марионеточного правительства (Польши. — *В.П.*) в России»¹⁰⁴. В Лондоне рассуждали сходным образом, но не надеялись уговорить «лондонцев» на линию Керзона. Керр получил указание не поднимать вопрос о границе на встрече с советским вождем¹⁰⁵. 24 апреля Черчилль сообщил Сталину о своих планах по обработке поляков, выражая надежду на то, «что Ваше решение «прервать» отношения следует понимать скорее в смысле последнего предупреждения, нежели в смысле разрыва». Он также просил не предавать возможность разрыва гласности «во всяком случае, до тех пор, пока не будут испробованы все другие планы»¹⁰⁶.

Ни Черчилль в Лондоне, ни Керр в Москве не предполагали, что окончательное решение в Кремле уже принято. Еще 22 апреля Молотов дал указание послу при союзных правительствах в изгнании А. Е. Богомолу немедленно прекратить контакты с правительством Сикорского¹⁰⁷. Вечером 25 апреля Молотов вызвал польского посла Тадеуша Ромера и вручил ему ноту о разрыве отношений, а на следующий день ознакомил с этой нотой Керра. Тот был крайне расстроен этим шагом, срывавшим весь его план урегулирования кризиса. Посол взволновано и красноречиво (обращаясь «к сердцу Молотова») просил отложить опубликование ноты хотя бы на 1–2 дня до получения ответных посланий от Черчилля и Рузвельта, но Молотов был непреклонен, отметив, что Керр просит «с британской настойчивостью»¹⁰⁸. Вечером того же дня советская нота была спешно опубликована в «Вечерней Москве».

«Упрямство, проявленное ими в этом вопросе, — телеграфировал из Москвы обманутый в своих надеждах Керр, — свидетельствует о заранее продуманном плане...

¹⁰¹ Печатнов В.О., Магадеев И. Э. Указ. соч., т. 1, с. 429–431.

¹⁰² From Moscow to Foreign Office, 21 April 1943. — TNA, PREM 4/30/1.

¹⁰³ Ibidem.

¹⁰⁴ From Moscow to Foreign Office, 25 April 1943. — TNA, FO 954/19.

¹⁰⁵ From Foreign Office to Moscow, 1 May 1943. — TNA, PREM 3/354/8.

¹⁰⁶ Печатнов В.О., Магадеев И. Э. Указ. соч., т. 1, с. 435; Prime Minister to Premier Stalin, 24.4.43. — TNA, PREM 3/354/8.

¹⁰⁷ Молотов — Богомолу, 22.IV.1943. — АВП РФ, ф. 059, оп. 10, п. 23, д. 182, л. 145.

¹⁰⁸ Запись беседы Молотова с Керром, 26.IV.1943. — Там же, ф. 06, оп. 5, п. 16, д. 158, л. 73–80; ДВП СССР, т. XXVI, кн. 1. Майкоп, 2016, с. 343–348.

Теперь будет неразумно исключать, что следующим шагом может стать создание польского правительства в этой стране, с которым они установят дипломатические отношения». Во избежание этого посол предлагал направить Сталину «сильное личное» послание Черчилля (желательно — совместно с Рузвельтом) с предупреждением о «неразумности и опасности» подобных «односторонних шагов» советского правительства, способных подорвать «саму основу всякого сотрудничества»¹⁰⁹. Руководство Форин офис поддержало эту рекомендацию¹¹⁰. Иден с Кадоганом подкорректировали надиктованный Черчиллем вариант послания, который, по мнению Кадогана, «был чересчур суровым к полякам и слишком мягким к русским»¹¹¹.

Свою лепту внес и Керр, дерзнувший задержать передачу послания премьера в Москве до внесения в него предложенных им изменений. Посол настойчиво рекомендовал «вести до Сталина, что его скоропалительный разрыв отношений с Польшей болезненно сказалась на общественном мнении, поставив нас и все Объединённые Нации в глупое положение. Полагаю, что несколько фраз на сей счет в сочетании с выражением сожаления о том, что правительству Его Величества не было дано больше времени для доведения до советского правительства своего мнения по очень важному для общего дела вопросу, должны предшествовать ремаркам о глупости польского правительства в первой части первого абзаца. Иначе Сталин может утвердиться в своем представлении о том, что, по мнению правительства Его Величества и британской общественности, он поступил достаточно разумно»¹¹². Черчилль и Форин офис согласились учесть рекомендации Керра¹¹³.

Премьер был явно раздражен польским кризисом, мешавшим его сближению со Сталиным. «Будет жаль, — телеграфировал он Керру 2 мая 1943 г., препровождая это послание, — если наши дискуссии со Сталиным по Польше прервут почти еженедельный поток дружественных посланий, которые я направлял ему о наших военных операциях». Для поддержания дружеского тона в отношениях со своим кремлевским корреспондентом премьер дал Керру следующее поручение: «При передаче этого послания. — *В.П.* и в подходящей обстановке Вы можете, если захотите, сказать ему, что я готов за каждого боеспособного поляка дать ему пленного немца, которого захвачу в Тунисе, а за каждую польскую женщину или ребенка — пленного итальянца. Подобные шутки не блещут хорошим вкусом, но в определенных ситуациях могут быть полезны»¹¹⁴. «Совершенно согласен, что поток посланий не должен прерываться, — отвечал Керр. — Мне нравится Ваша шутка и я с удовольствием испробую ее на нем, поскольку думаю, что она понравится и ему»¹¹⁵.

Посол испробовал ее на встрече в Кремле 7 мая 1943 г., в точности изложив условия этого «джентльменского соглашения». Согласно советской записи этой беседы, сделанной Павловым, Сталин кратко отшутился: «Как бы не прогадать. Иная женщина лучше итальянца», а затем сказал, что советское правительство и так не препятствует выезду поляков из СССР. «Следовательно, он может сообщить Черчиллю, что его шутка оказалась неудачной», — предположил Керр, на что Сталин ответил, «что шутка Черчилля удачная, но Черчилль исходил из предположения, что для выезда польских граждан из СССР необходимо прибегнуть к обмену. В действительности же мы отпустим польских граждан без всякого обмена»¹¹⁶.

¹⁰⁹ From Moscow to Foreign Office, 26 April 1943. — TNA, PREM 3/354/8.

¹¹⁰ A. Cadogan for Prime Minister, 27 April 1943. — Ibidem.

¹¹¹ The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938–1945. London, 1971, p. 524.

¹¹² From Moscow to Foreign Office, 29 April 1943. — TNA, PREM 3/354/8.

¹¹³ From Foreign Office to Moscow, 30 April 1943. — Ibidem.

¹¹⁴ Prime Minister to Sir Archibald Clark Kerr, 2.5.1943. — Churchill Archive Center, Churchill College, Cambridge University, Chartwell Papers (далее — CHAR), 20/111.

¹¹⁵ From Moscow to Foreign Office, 3 May 1943. — Ibidem.

¹¹⁶ Запись беседы тов. Сталина с английским послом Керром 7 мая 1943 года. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 66–67.

Возможно, что Павлов опустил некоторые подробности реакции Сталина на эту шутку, но в изложении Керра она выглядит более красочной и остроумной: «...он не сразу уловил ее смысл, но когда она до него дошла, то вызвала у него много смеха, — докладывал посол Черчиллю на следующий день. — Правда, я так и не смог уговорить его на эту сделку, ибо, по его словам, Вы поймаете гораздо больше немцев, чем у него есть боеспособных поляков, и потому это будет несправедливо по отношению к Вам. В то же время никакой итальянец не стоит польской женщины или ребенка, поэтому это будет несправедливо по отношению к нему. В любом случае, все пойманные итальянцы потребуются Вам самим для строительства дорог — единственное, на что они способны»¹¹⁷. Керр знал, как угодить премьеру, и не видел большого греха в том, чтобы слегка расцветить картину разговора.

Черчилль и Иден продолжали обрабатывать «лондонцев» и в позиции Сикорского по составу польского правительства появились некоторые подвижки. В конце мая Лондон и Москва обменялись приветствиями в связи с годовщиной заключения советско-английского договора, а Молотов устроил для союзников торжественный завтрак по этому поводу. Казалось, что в союзных отношениях вновь наступает светлая полоса. «Думаю, что мы можем поздравить себя (в том числе благодаря Вам), — писал Уорнер Керру 28 мая 1943 г., — с тем, что польский узел удалось изолировать от общих англо-советских отношений, и он не нанес им ущерба»¹¹⁸. Но на пороге уже был новый кризис.

Окончание следует

¹¹⁷ From Moscow to Foreign Office, 8 May 1943. — CHAR20/111.

¹¹⁸ Ch. Warner to A. Kerr, 28 May, 1943. — TNA, FO 800/301.